

САМАЯ ПРОНИКНОВЕННАЯ СЕРИЯ ГОДА

ОЛИВЕР СТОРМС

Этюд для двоих

Оливер Стормс

Этюд для двоих

Серия «Мужчина с мягким сердцем»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74350091
ISBN 978-5-17-150166-2

Аннотация

Марсель Флоранс – молодой автор трех бестселлеров. Но цена его славы – необходимость писать то, что нравится читателям, а не ему самому, глухое раздражение и постоянная тревога. Не в силах бороться с собой, Марсель сбегает с собственной презентации и отправляется в маленький городок, где знакомится с Ритой Морган.

Рита отказалась от мечты стать музыкантом после того, как ее первая серьезная работа была присвоена другим. Теперь она преподает детям, сдает комнаты в своем старом доме и убеждает себя, что некоторые мечты лучше оставить в прошлом.

Две недели, проведенные вместе, возвращают Рите веру в собственный талант, а Марселю – радость от любимого дела. Основа его нового романа – сама Рита, ее мысли и сокровенные чувства. Но в этот раз девушка не даст присвоить то, что принадлежит ей. Марселю предстоит решить, что важнее:

история, которую он написал, или Рита, которую он успел полюбить?

Содержание

Глава 1. Во-первых, писатели врут	6
Глава 2. Флейта ловит крысолова	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Оливер Стормс

Этюд для двоих

*No one can acquire for another – not one,
Not one can grow for another – not one.
The song is to the singer, and comes back most to
him...*

Уолт Уитмен. A Song of the Rolling Earth¹

¹ «Никто не может достичь за другого – никто. Никто не может расти за другого – никто. Песня для певца и возвращается назад именно к нему...» – Уолт Уитмен, «Песня вращающейся Земли» в пер. Н. Стрижевской.

Глава 1. Во-первых, писатели врут

Полезно периодически давать интервью, если хочешь оставаться на виду. А когда ты представляешь новую книгу, они тем более необходимы.

«— Мистер Флоранс (кстати, это ваше настоящее имя?), вы всегда так уверены в себе. Даже на самой первой своей презентации вы буквально зачаровали публику. В чем ваш секрет?

Марсель Флоранс, хорошо сложенный мужчина двадцати восьми лет, откидывает со лба кудрявую рыжую прядь и улыбается уголками губ.

— Секрет, Лиззи? (Ничего, что я буду называть вас Лиззи?) Никакого секрета нет. Просто перед каждым выступлением я забиваюсь в темный угол (например, в туалет книжного магазина) и пялюсь в пустоту, пока не отпустит».

Марсель мог бы даже на самом деле сказать это, откинуться в кресле и усмехнуться колумнистке: «Согласись, хорошая фраза для выноски?» И она улыбнулась бы в ответ, потому что фраза и правда броская, читателям понравится.

Такая работа у них обоих — нравиться читателям.

Но в темном туалете книжного нет никого, даже отражения самого Марселя в зеркале над раковиной. Вместо этого в раме висит записка с просьбой ничего больше не ломать.

Пахнет мылом, которое задумывалось как деликатное, *марсельское*, а вышло едким, химическим, хищным. Лампочка моргает холодным белым.

Раз,
и два,
*и три*².

Память услужливо подбрасывает продолжение: «Листья мелькнули в окне». Но окна нет, и листьев нет, а есть только блестящая от воды раковина и темно-зеленые стены. Марселью все кажется, что через секунду они сложатся внутрь, сожмутся и вместе с ним самим станут комком мокрой бумаги. Но страшно не это – а то, что этого все никак не происходит.

Рыбка плывет по луне.

Марсель не знает, откуда взялся этот стишок и почему он приходит к ум каждый раз, когда в ушах звенит, а мир становится плоским и чужим.

Раз,
и два,
и три —
листья мелькнули в окне.

² Эта цитата и следующие в главе взяты из «Вальса на ветвях» Федерико Гарсиа Лорки в переводе А. Гелескула.

Рыбка плывет по луне.
Не спит река,
но века
море поет во сне.

Эти пришедшие извне слова как будто бы ничего не значат, но сплетаются так плотно, что у Марселя раз за разом получается ухватиться за них и выбраться на поверхность. Его слова, слова мистера Флоранса, уже давно не имеют такой силы.

Раз,
и два,
и три —
листья мелькнули в окне.
Рыбка плывет по луне.

В том, чтобы быть писателем, нет ничего сложного. Нужно найти рабочую формулу и хорошего агента, который построит готовую рукопись в крупное издательство; затем создать публичный образ, который захотят тиражировать журналисты, блогеры и даже сами читатели. Повторять, пока не перестанет работать — или все это, или ты.

Марсель, все еще опираясь на раковину, шумно дышит.

Не спит река,
но века
море поет во сне.

Лес

отпевает принцесс.

Время идет, и тревога переходит в злость. Хорошо, что он ничего не сказал той колумнистке. Стоит Марселю только обмолвиться о своей слабости, и все вокруг подхватят его слова, станут измерять, взвешивать и наконец признают очень легким³. И правда, почему это он прячется, не в силах выйти к людям, которые обожают его, собрались здесь ради него, посвящают столько сил и времени ему и, наконец, тратят на него свои деньги? Разве он не понимает, что обязан им? Разве он не благодарен?

Листья мелькнули в окне.

И горд, и благодарен, и, конечно, ему очень повезло.

Рыбка плывет по луне.

И продолжит везти, если он сейчас придет в себя.

Море поет во сне.

Все-таки он обещал.

³ Отсылка к библейскому эпизоду, в котором нечестивый царь Вальтасар во время пира увидел на стене пылающую надпись, предрекавшую конец его царству: «Мене, мене, текел, упарсин». Часть «текел» означает: «ты взвешен на весах и найден очень легким».

Лес отпевает принцесс.

Постепенно зрение проясняется, в ушах перестает звенеть. Остается выпрямиться, поправить воротник рубашки, и в светлый, полный книг и людей зал выйдет успешный молодой писатель, автор бестселлеров и желанный гость светских вечеринок Марсель Флоранс.

* * *

Мистер Флоранс уверенно шел по залам магазина. Мимо антикварных шкафов темного дерева, заполненных изящными изданиями, часть которых неизбежно превратится в сувенир из нью-йоркской поездки или украшение для гостиной. Мимо столов, где лежали экземпляры его новой книги. Мимо посетителей, которые – кто задумчиво, кто восторженно – перелистывали новинки.

Шел, пока кто-то не схватил его за локоть и не потянул назад. Марсель сощурился, готовясь рассказать о личных границах, но стушевался, увидев Джоди. Высокая худая блондинка была его литературным агентом и только что болтала с кем-то из критиков, а теперь сверлила подопечного пристальным взглядом.

– Где ты был? *Этот* уже пять минут развлекает собравшихся. Ты хочешь, чтобы встреча была его или твоей?

– Приводил себя в порядок, – бросил Марсель. – Извини.

Джоди едва заметно поджала губы: «Если это порядок, то случайный», – но промолчала и подтолкнула его к дверям.

– Флоранс! – кивнул *этот*, не вставая. – Так вы не отправились на поиски потерянного времени?

Вообще-то *этого*, Фредерика Карра, позвала сама Джоди. Состоявшийся писатель, несколько эксцентричный – взять хотя бы его любимый фиолетовый костюм в оранжевую клетку, – умеющий парой брошенных вскользь слов вознести или растоптать коллегу по перу. Марсель читал несколько его книг. Всем сердцем не полюбил, но мастерство признал.

Марсель улыбнулся как можно лучезарнее и занял кресло напротив.

– Время теряют те, кто не пришел сегодня к нам, не так ли?

Карр рассмеялся, но Марсель заметил, что его серые глаза за стеклами старомодных очков остались холодными, а взгляд – цепким, изучающим.

– Верно. Когда еще мне придется разговаривать с восходящей звездой, которую с первой рукописи взяла под крыло великолепная Джоди? – Карр нашел ее взглядом и, улыбнувшись гораздо теплее, чем Марселя, слегка кивнул.

Ну да, сейчас поведет к тому, что половина успеха – покровительство мисс Джудит Лэндон, ее связи, ее репутация, наконец, ее манера вести переговоры и решать проблемы, не меняясь в лице. Подбери начинающего писаку кто-нибудь

другой, и он бы не отбил даже первый аванс.

– Вы мне льстите, Фредерик, – усмехнулся Марсель. – Первую рукопись Джоди, тогда еще Джоди Карр, завершила. Она была права, разумеется, но я разозлился и за пару месяцев набросал черновик того, что вы теперь знаете как «Ничто, сказанное никем».

– Интересный выбор названия для дебюта.

– Да. Я бесился от уничижительных шуточек в соцсетях, но, когда разлетелся первый тираж, я понял гений Джоди. Забавное завирусится скорее, чем заумное.

Низко, да, но эффективно: сам Карр прогадал с названием свежего романа. Еще и амбиграмму на обложку засунул, поди разбери, что там написано.

– Ваш публичный образ тоже не вредит продажам, – снова пошел в атаку Фредерик. – Вы придумали или опять Джоди?

Раз. И два. И три.

Рассмеявшись, но не потому, что ему было смешно, Марсель откинул кудрявую прядь со лба и растянул еще одну пуговицу на свободной, изящно помятой рубашке.

– Что значит «придумал»? – Зрители откликнулись смешком. – Именно в этой рубашке я и приехал в Нью-Йорк.

Врунишка. Он купил ее позавчера, для этой самой презентации. Чуть не забыл ценник снять. Хотя врешь ли ты, если не ждешь, что тебе в самом деле поверят? Или играешь

с собеседником в игру, где ты – знаменитость, деланно-простая, элегантно-небрежная, а он – твой восторженный слушатель, готовый внимать и даже не лезть в телефон?

И вообще, кто спрашивает? Человек в очках-нулевках? Тоже мне.

– Очаровательно. Но вопросы стиля в сторону, – Карр приподнял очки и потер переносицу. – Мы ведь собрались ради вашей, кажется, уже третьей книги. Напомните тем, кто еще не прочел, о чем она?

– Разумеется. Ирландия, наши дни. Во время раскопок захоронения, которому несколько тысяч лет, археологи находят свежее тело мужчины. Однако захоронение было совершено нетронутым. Детектив, триллер или даже фолк-хоррор...

– Мрачновато, не так ли?

– Может быть. Но те, кто слышал о моих прошлых книгах, знают, чего ожидать.

– Три книги за три года. Неужели вы никогда не останавливаетесь? Или вы приехали сюда не только со сменой белья и пачкой сигарет, но еще и со стопкой черновиков?

Марсель вздохнул и тоном, которым говорят с детьми, произнес:

– Понимаете, Фредерик... Это ведь невозможно. Идеи, пришедшие в голову подростку, протухают годам к двадцати двум. Я ищу везде, постоянно, я беру все, что могу, краду, да, краду у жизни то и это... Ведь только так можно оста-

ваться на волне, писать о том, что волнует сейчас...

– То есть вы не рассчитываете остаться в веках?

Марсель дернул плечом.

– Нет. А надо?

Карр, не сдержавшись, издал смешок – в этот раз искренний. Если немного напрячь воображение, можно подумать, что он даже одобрил ответ младшего коллеги.

– В самом деле. Чтобы встать на писательский путь, нужно быть мечтателем, – Фредерик выдержал эффектную паузу. – Но чтобы пройти его, следует стать реалистом.

– Хорошо сказано, коллега, – полуиронически заметил Марсель. – Я, конечно, пишу о странном и мистическом, даже паранормальном, но и я своего рода... реалист. По крайней мере, когда ставлю последнюю точку.

А дальше Джоди берет ручку – почему-то она предпочитает распечатки электронике, хотя это долго и муторно – и начинает убивать его любимых, иногда беспощадно режет целые сцены. Потому что монологи на несколько страниц не продаются, если ты не Фредерик Карр – да и у него со скрипом. Отсылки должны быть очевиднее. Понимай, в какую аудиторию ты хочешь попасть: это слишком заумно для беллетристики, слишком очевидно для высоколбой литературы – такое толком не продвинешь. Работай, давай. Редактуру отсмотри до четырех часов – завтра утром я улетаю. Нет, это не связано с твоими делами. У меня есть и другие авторы – конечно, ты у меня в приоритете, но не все крутится вокруг

твоей персоны. Давай, верю в тебя. Все, у меня вторая линия.

Первую рукопись Марсель закончил только потому, что в баре ему было невыразимо скучно: горы грязной посуды, пьяные исповеди за стойкой, пол, каждый день залитый известно чем. Именно из скуки и раздражения родились пожирающие незадачливых посетителей чудовища, забегаловки с бесконечными помещениями и без единой двери наружу, каверны метро с поездами, едущими в никуда.

Первая рукопись действительно оказалась ерундой, потому что самыми жуткими в ней были величина абзацев и неспособность автора отсекай лишнее. Это и сообщила Джоди в ответном письме. А еще – что коммерческий потенциал есть, голова на плечах тоже, техника слаба, но это исправимо. Вот только если мечтаешь о легкой жизни творческой личности – перестань. Вкалывать будешь как проклятый. Тогда сработаемся. Понял?

Марсель понял, что послаблений ждать не стоит. А еще – что Джоди бросила ему вызов, и это было лучшее из произошедшего с ним в жизни. Он полностью переписал текст за два месяца, а потом еще два переписывал, резал, вставлял фразы, абзацы и сцены, пока она не осталась довольна.

К тому моменту он уже многое узнал о Великолепной Джоди. Образцовая студентка и выпускница именитого университета, которой скоро увлекся писатель Фредерик Карр – а она возьми и выйди за него замуж вопреки воле родителей. Правда, у них не сложилось: он хотел видеть ее своей

домашней музой, она же не смогла вытерпеть золотых оков и вместо музыки стала литературным агентом.

Ее чутье было безупречным: если она давала молодому автору шанс, он мог считать себя счастливым. Кто-то, впрочем, не выдерживал темпа Джоди – и на них она больше не тратила время. Ничего не поделаешь, это Нью-Йорк, здесь не останавливаются и не ждут отстающих, а твои проблемы – только твои. Впрочем, разве так не везде?

Марсель выдержал, потому что это казалось ему забавной игрой: неужели то, что началось как выплеск раздражения, сделает его знаменитым? Невозможно. Но все же это случилось. И началось: светские львы и львицы осыпали похвалами книжечку о таком экзотическом опыте работы в баре на окраине. Не обходили стороной и самого Марселя – воплощение любимой американской фантазии о том, что даже никчемный с мечтой и пачкой сигарет сможет стать успешным. Что бы это ни значило.

И Марсель купался в их обожании, как в шампанском, подписывал книги и давал интервью, не приходя в себя. Сам себе не верил – но поверил Джоди, когда та схватила его за загривок и сказала: «Нравится? Если не хочешь, чтобы это прекращалось, пиши еще».

И Марсель снова сел писать.

На этот раз он принес публике оживший город, безжалостный Метрополис, который был укрощен парочкой главных героев – конечно же, силой их любви. Не обошлось без взры-

вов и крушений, описанных с легкой долей иронии, не дающей тексту превратиться в трехтысячный роман-катастрофу.

И снова – успех, тираж даже больше, чем раньше, и весь продан. Первые встречи с читателями, первые десятки интервью и сотни фото. Марсель солгал бы, если бы сказал, что не любит вспышки камер, но...

Море поет во сне.

С этой строчки началась третья книга.

Черт, он прослушал Карра, а тот с вежливой улыбочкой ждет ответа. Что сказать? Что сказать?

Марсель поправил воротник рубашки и, собрав всю любезность, попросил повторить вопрос.

Новая книга? Ах, ну да.

– Знаете, я уже и не помню, как я ее задумал. Просто вспомнил, что давно не видел ничего зеленого – и на следующий день сидел в самолете и смеялся сам над собой: кто бы подумал, что я вот так полечу в Ирландию? Но что поделать, не могу отделаться от идеи, если уж она приходит мне в голову. Если я заинтересовался болотными людьми, то должен вытащить из этого текст, иначе они не дадут мне покоя. Еще до приземления я придумал основной сюжет с ритуальными убийствами и болотными захоронениями, двойным повествованием и главами от лица будущей жертвы...

– А финал? – перебил кто-то из зала. Юноша в роговых очках, чуть младше Марсея, в клетчатой рубашке, на руке

браслет из крупных бусин. – Вы знали финал, мистер Флоранс?

– Нет, – хмыкнул Марсель. – И не узнал бы, если бы не полетел. Кстати, спасибо, – он назвал компанию-спонсора, – что поверили в меня и согласились на эту авантюру. Без их помощи я бы ни за что не закончил рукопись.

Пришлось поднять кое-какие связи, перед кое-кем извиниться и получить – метафорически – букетом по лицу, а потом пообещать много чего еще, чтобы поездка состоялась. Но как только Марсель умчал к огромным серым камням, туманам, зеленым холмам и плеску ледяных волн, это перестало его заботить. Бег наперегонки с собственным текстом, ночевки где придется, многочасовой перелет обратно...

Лишь оказавшись в своей квартире, Марсель понял, что устал как собака, так что поначалу обрадовался привычной жизни. Своя квартира, со вкусом одетые незнакомки, интервью, фото для соцсетей – якобы случайные, а на деле тщательно отобранные из сотен кадров. Обыкновенная, слегка стимулирующая мозг суэта, которая позволяет отдохнуть перед редактурой.

В этот раз крестов, красных, как ногти фам-фаталь, было меньше, но Марсель смотрел на них, закусив губу, – и к концу рукописи прокусил ее до крови. Он знал, что так будет лучше, и послушно жал delete, delete, delete. На одну только строку не смог поднять руку, однако Джоди настояла. Марсель же, стерев, из принципа отправился в тату-студию и на-

бил ее на предплечье.

Тихий кашель и звук открывания бутылки с водой вернули Марсея в реальность. К своей бутылке он все еще не приоткрылся, боясь, что даже от глотка воды вернется тошнота.

– И все-таки, зачем вам понадобилось лететь за тысячи километров? Если мне не изменяет память, во Флориде есть и болота, и тела. И зелень, которую вы так хотели увидеть.

Нет, Марсель не имел ничего против Флориды, несмотря на аллигаторов, торнадо и сетчатых питонов. Наверное, отправься он во Флориду, история тоже вышла бы хорошей и не пришлось бы выпрашивать эту поездку, но...

– Знаете, Фредерик, вы правы. Наверное, смешно ехать в совершенно чужую страну, где ты никогда не был, и пытаться писать о ней. Однако какая разница, почему я это сделал? Может быть, я безумец. А может, мне просто не хотелось идти короткой дорогой.

Карр, откинувшись на спинку кресла, довольно сощурился.

– Вот как? Флоранс, вы очаровательны. И что, какой дорогой планируете отправиться дальше? Какой будет следующая книга?

– Следующая книга? – Марсель тряхнул головой. – Побойтесь Господа, я еще не отошел от этой! – Выдержанная пауза. – Впрочем, имеется у меня пара идей... Но о них вы услышите перед раздачей автографов. А сейчас – время размять ноги и уделить внимание бару: где еще вы попробуете

столь освежающую «Болотную воду»?

С этими словами Марсель соскользнул с возвышения, а потом, подмигнув Джоди, скрылся в соседнем зале.

Там он прислонился к одному из шкафов – среди букинистики-то его никто не будет искать, верно? – и с шумом выдохнул. Здесь было прохладнее, тише: кажется, посетители и правда отправились в бар при магазине, оставив книжные полки без внимания.

Звякнула шишками ель,
ищет пернатую трель.
Но кровью истек соловей
в певчей печали своей.

Послышались чьи-то легкие, размеренные шаги. Марсель прикрыл глаза, а потому не видел, кто идет, да и не придавал этому большого значения. Может, это Джоди: пришла поздравить или дать мотивационного пинка, а вероятнее – все сразу.

И все печальнее мне,
потому что и раз,
и два,
и три
листья проплыли в окне.

– Кхм, – сообщил кто-то, вставший по правую руку. Явно

не Джоди. – Обычная вода вам сейчас нужнее болотной, я угадал?

Марсель медленно открыл один глаз, затем второй и увидел Фредерика Карра, который стоял, одну руку положив на полку, а другой протягивая ему чуть запотевшую бутылку.

– А вы уже без очков, – рассеянно заметил Марсель, горло которого действительно пересохло.

Фредерик повел плечом.

– Когда-то в них были настоящие линзы, но они давали большое искажение на фото. Пришлось сделать операцию и сменить стекла на обычные: без очков меня не узнают. Супермен наоборот.

– И что, вам нравится?.. Ну, когда узнают?

Фредерик хмыкнул.

– Я не удивился бы такому вопросу от кого-то из зала. Но вы, Марсель!.. Вы ведь понимаете, что мне нравится нравиться. Ровно так же, как и вам.

– Ровно так же, как и мне, – и это, несмотря на произошедшее перед встречей, было правдой.

Они помолчали с минуту. Наверное, Марселю стоило проявить больше энтузиазма: все же старший коллега – и конкурент – снизошел до того, чтобы поболтать запросто. Но усталость навалилась такая... Сил едва хватило на глоток воды.

– Знаете, Флоранс... я действительно слежу за теми, кого берет в работу Джоди. Не столько по личным причинам, сколько потому, что из них нередко выходит толк.

– М-м, – пробормотал Марсель, сам не зная, хочет он услышать продолжение или просто боится прослыть грубияном.

– Некоторые тексты, правда, слишком... сделанные. Им не хватает налета любительщины (в самом высоком смысле этого слова), трогательного ощущения штучности вещи, что ли?

– М-м-м? – снова откликнулся Марсель, почуяв «но».

Фредерик снова взял паузу, улыбаясь сам себе, как Джоконда, затем, сощурившись, посмотрел Марселю в лицо. Без очков, вблизи, его глаза в лучиках морщин выглядели голубоватыми. Греческий нос, тонкие губы, легкая седина в черных волосах – такую называют солью с перцем. Интересно, сколько молодых авторов каждую неделю умоляет его о совете, поддержке, благословении? Марсель мог бы быть одним из них в какой-нибудь иной жизни. Но Фредерик опоздал: он с помощью Джоди уже сделал себя. А потому вместо совета Марсель получил вот что:

– Но это не относится к вам, Флоранс. В «Медe и яде», несмотря на старания вашего агента, которая любит выступать и редактором тоже, есть шероховатости, выдающие руку автора. Пейзажи Ирландии несколько отдают ранним Йейтсом, но в целом это вещь очень симпатичной породы.

– Лестно, – только и сказал Марсель. – Может быть, следующую книгу напишу о полуденном ужасе пляжей Майами и захоронениях древних племен.

Карр вытащил очки и надел их, видимо, собираясь уходить. Но, сделав шаг, остановился, будто бы что-то забыл, и обернулся к коллеге:

— Марсель, — слегка снисходительно, но тепло сказал он, — если вы закончите раздавать автографы чуть раньше, то успеете на мой, скажем так, скромный вечер. Мне будет приятно видеть вас там.

— Я постараюсь, Фредерик, — еще ласковее отозвался Марсель. — Если получится, даже вместе с Джоди. Вдвойне приятно, правда?

Тот кивнул, прощаясь, и направился к выходу.

До конца перерыва было еще минут пять или десять. Кто знает, может, вливание «Болотной воды» поможет поговорить о книге еще немного? Марсель выпрямился, поставил бутылку, из которой больше не сделал ни глотка, на подоконник и направился к бару. Может быть, не стоит рисковать, а лучше просто взять привычный имбирный лимонад? В конце концов, если он все же отправится на скромный вечер к Карру, у него будет возможность напиться. Джоди, может, и не одобрит, но ведь она ему не мать.

Идти, конечно, было нужно. Притвориться, что хозяин дома позвал Марселя искренне, а не в качестве мальчика для битья. Завести полезные знакомства: из любой его книги можно легко сделать кино или сериал, так почему бы не поболтать с продюсерами за бокалом вина? Может быть, ничего и не выйдет, но они могут порекомендовать Марселя ко-

му-то еще, а этот кто-то закажет сценарий... Неважно. Главное – показать, что теперь он не только любим читателями, но и принят среди коллег – уже не самозванец, а самый настоящий писатель.

Но вместо бара Марсель направился в зал, где были собраны альбомы с репродукциями: если уж устал от букв, посмотри на что-нибудь красивое. Вот Гоген, Вермеер, Дали – пожалуйста, выбирай. Марсель снял с полки последнего, но, пробежав взглядом содержание, не нашел того, что искал: картины «Кадакес, увиденный со спины». Никакого сюрреализма в ней не было и в помине, только залитый розово-желтым закатным светом пейзаж. На переднем плане – растения, вписанные в сетку дорог, прикрытые словно случайно попавшей в кадр оливой. А вдалеке – город на холме, изображенный стремительными рельефными мазками, точно созданный из этого нежного света.

Не то чтобы Марсель мечтал оказаться в Кадакесе – скорее он мечтал увидеть жизнь такой, какой она замерла в пределах небольшого холста.

– А вам Дали нравится, да? – прозвучал высокий и слегка дрожащий девичий голос. – В интервью «Вэнити фэйр» вы говорили, что вам как-то ближе абстракционизм...

Марсель закрыл книгу, но не стал возвращать ее на место, чтобы руки оставались заняты. Перед ним и правда стояла девушка с темными волосами, едва доходившими до подбородка, в аккуратной кремовой блузе с бантом и короткой

юбке в песочную клетку. В ожидании ответа девушка терла большим пальцем одной руки другую. Наверное, для нее это была невероятная удача – застать известного и, видимо, любимого писателя в одиночестве, а не в толпе поклонников. Марсель улыбнулся ей устало, но тепло.

– Я просто так сказал. Зачем-то все хотят знать, какой у тебя любимый цвет, фрукт, художник, писатель и бренд одежды. Не могу же я говорить, что у меня его нет?

Девушка наклонила голову в сторону, как сова.

– А что, правда нет?

– Ну да. Разве что в детстве я любил «Хортон слышит ктошек», но тогда у меня была очень скромная библиотека.

– Я тоже, – совершенно серьезно сказала девушка. – Хортон ведь прекрасно знает, что он... ну, странный. И выгоды от этого никакой, напротив, только наказание. И все равно...

Марсель почему-то подумал, что она – студентка-первокурсница из тех, кто действительно поступал на факультет мечты. Наверняка собирается исследовать что-нибудь эдакое, *странный* для постороннего взгляда.

– А вы сами пишете, да? – рассеянно поинтересовался он. – Давно?

Девушка переступила с ноги на ногу и снова потеряла ладонь.

– Не так чтобы... ну... Все, наверное, сочиняют в каком-то возрасте, вот и я тоже. Странно, наверное, писать

конспекты, писать домашку, а потом садиться и писать свое?..

Марсель качнул головой. Наверное, писать после ночной смены, когда хочется упасть на пол и уснуть, не разуваясь, тоже было странно.

– И вам нравится?

– Очень, – с жаром ответила девушка, вперив взгляд в ботинки Марселя.

– И вы ведете соцсети, да? Мечтаете когда-нибудь публиковаться?

Она опасливо подняла взгляд, не зная, чего ждать. Щедрого предложения? Сделки? Щелчка по лбу?

– Да, – помедлив, все же ответила она.

Марсель медленно вдохнул и выдохнул, думая, как бы лучше сказать. Затем негромко произнес:

– Не надо. Если вам правда это нравится, не надо, не ищите издания. И тем более не берите деньги.

Девушка, явно слегка уязвленная, усмехнулась:

– Совет из личного опыта, да? Поэтому вы тут прячетесь?

– Я не... – начал было Марсель, но сам понял, что это прозвучит жалко. – Слушайте, как вас зовут?

– В основном просто Флоренс. Не спрашивайте, как по-настоящему, все равно не сможете произнести.

Марсель кивнул и, передав альбом девушке, отступил к окну.

– Слушайте, Флоренс, можете сделать для меня одну

вещь? Как для любителя тех же книжек?

Она коротко кивнула, сжимая альбом так, что на обложке появились следы ногтей.

– Если вас спросят, скажите, что я... – Тут Марсель вспомнил, что уже не курит, и умолк.

– Пообещали принести мне лимонад и обязательно познакомиться со своими друзьями, но почему-то не вернулись, – повеселев, помогла Флоренс.

– Да, – Марсель открыл окно и запрыгнул на узкий подоконник. – Вы просто сокровище, Флоренс. И вы правда слишком хороши для всей этой ерунды. Прощайте!

Последним, что услышал Марсель, выскочив наружу, был смех Флоренс и стук закрываемого окна. А потом он понесся прочь – не зря завел привычку бегать по утрам! – и, помахав первому же встреченному таксисту, юркнул на заднее сиденье.

– Куда бежите, мистер?

Марсель, едва отдышавшись, пожал плечами.

– Не знаю. Куда подальше.

– Подальше от чего?

– Да от всего, – нервно бросил Марсель. – Я вообще не хочу оставаться в этом городе ни секунды!

Таксист задумчиво потер нос, а потом улыбнулся, глядя на странного пассажира через зеркало заднего вида.

– Это можно устроить, если вас не пугают шесть часов в машине.

Шел второй час езды в стареньком микроавтобусе, и Марсель почти дремал, уткнувшись в спинку сиденья перед собой. Чем он думал, отдавая деньги и забираясь в душный салон, где действительно осталось одно свободное место, будто бы специально для него?

Надо было повернуть обратно. Вообще не надо было сбегать! Что он наделал? Джоди его разорвет...

Нет. Хватит думать о том, чего хочет Джоди, Карр, публика, пресса. Для одних он – инвестиция, для других – мишень, для третьих – развлечение, но ни для кого – Марсель, человек, которого это все просто достало.

Да и остановиться здесь негде, водитель предупреждал. Скоро связь вообще пропадет и не появится до самого приезда...

...Джоди там точно с ума сходит: она привыкла к его безумным авантюрам, но такого ожидать не могла. Марсель представил, как на ее лице расцветает совершенно дикая, акулья улыбка. Джоди никогда не теряла самообладания, но рядом с такой Джоди самообладание теряли все остальные.

Марсель вытащил почти разряженный телефон и, путаясь в буквах, набрал:

Марсель: *привет это я жив, цел, трезв просто*

понадобилось уехать

И добавил, чуть погодя:

Марсель: *прости, что не предупредил*

Это сообщение отправлялось дольше, и Марсель уже подумал, что оно так и застрянет в электронном нигде, но галочка все же появилась рядом.

А потом и вторая: «Прочитано».

И вот тут телефон, сжалившись над владельцем, разрядился.

Глава 2. Флейта ловит крысолова

Наконец микроавтобус остановился, и, хорошо приложившись о спинку сиденья, Марсель проснулся – как раз когда водитель, зевнув, сообщил:

– Эшфилд. Прибыли – дальше не везу.

Эшфилд – это, кажется, в Пенсильвании. А может, и в Нью-Джерси. Нет, все-таки в Пенсильвании. По подсчетам Марселя, было часа четыре утра. Точное время, впрочем, не имело значения. Пока остальные пассажиры протирали глаза и осматривались в поисках своих вещей, Марсель осторожно встал на ноги, которые за ночь превратились в деревянные, и направился к выходу.

– Извините, – прохрипел он, обращаясь к водителю, – тут есть где пересидеть до открытия заведений?

Тот пожал плечами:

– Тут рядом есть едальня, типа как в «Полуночниках»⁴. Ну или подождать, пока я поеду на заправку, и сесть там, за круглосуточным магазином.

Марсель вяло поблагодарил и вылез наружу с грацией новорожденного жеребенка. Лучше провести четыре часа на

⁴ Картина «Полуночники» (Nighthawks) Эдварда Хоппера – одно из наиболее узнаваемых произведений искусства США. На ней изображены пустая ночная улица и бар, где, отделенные от зрителя стеклом, сидят несколько человек. Они не замечают друг друга. Видимых дверей в бар нет.

ногах, осматриваясь, и понять, что из себя представляет этот Эшфилд, прикинуть, где лучше снять жилье.

Сразу ехать обратно он не собирался: не только потому, что надо дать Джоди время остыть, но и потому, что при мысли о Нью-Йорке сердце начинало колотиться, а горло – сжиматься против воли, как будто все его существо предпочитало задохнуться на месте, но не возвращаться. Впрочем, что удивительного, если даже поход к психиатру и противотревожные препараты ничего не дали. С таблетками не становилось лучше – становилось никак, и Марсель бросил их пить.

Здесь же все было иначе. Казалось, будто он выбрался из текста книги и оказался на полях, где можно было писать что угодно, рисовать цветы, травы и крошечных птиц. А можно было оставить пустоту, сесть, свесив ноги с обреза, и просто смотреть, как течет река.

Те, кто жил здесь, думали примерно так же. Кафе «Полуночники», которое отрекомендовал водитель, имело две вывески: «Открыто круглосуточно» и «Если закрыто, то я пью кофе с Биллом. Клянусь, если кто-то меня поторопит...»

Ноги слушались плохо, но Марсель упрямо шагал вперед: от шоссе, на обочине которого его высадили, вдоль реки, которая текла сквозь весь Эшфилд, деля его на две неравные части. Через реку был перекинут мост, а если приглядеться, то можно было обнаружить несколько спусков к воде и рыбаков неподалеку от них. Вряд ли они могли выловить что-то крупное, но наслаждались процессом все равно.

Сперва Марсель замечал только отдельные здания: то гриль, пока закрытый, то почему-то парикмахерскую, прилепившуюся боком к ремонту мотоциклов, то сурово молчащую церквушку. От реки поднимался туман, сквозь который почти ничего не было видно, но вскоре он стал рассеиваться, и Марсель разглядел, что уже идет по узким улочкам мимо старомодных кирпичных домов.

Как минимум одно его желание сбылось: зелени здесь было предостаточно, но она не имела ничего общего с чинными газонами богатых пригородов. Плющ полз по стенам, нависал над окнами – и это, по-видимому, хозяев не беспокоило. Напротив, когда диких зеленых лоз не хватало, чтобы занавесить стену, у домов сажали девичий виноград и какое-то неизвестное Марселю растение, покрытое желтовато-белыми цветками и источавшее сладкий аромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.